

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/94/5

Представления о лояльности населения престолу и особенности верноподданнической риторики в жандармских донесениях 1820–1830-х гг. (по материалам 2-го округа Корпуса жандармов)

Мария Олеговна Иванова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, moivanova@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена реконструкции коллективных представлений жандармских офицеров о нормативных проявлениях лояльности престолу и анализу верноподданнической риторики на примере материалов 2-го округа Корпуса жандармов. Исследование опирается на документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и опубликованные источники. Анализ риторики донесений и отчетов выявил ряд устойчивых эмоциональных категорий-стереотипов (положительных и отрицательных) и типичных словесных конструкций, использовавшихся для выражения и проявления лояльности престолу.

Ключевые слова: Корпус жандармов, коллективные представления, Центральная Россия, лояльность, история эмоций

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-01576 «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», реализуемого на базе Института российской истории РАН (Москва). Автор выражает благодарность Г.Н. Бибикову за многочисленные обсуждения проекта, ценные советы и комментарии.

Для цитирования: Иванова М.О. Представления о лояльности населения престолу и особенности верноподданнической риторики в жандармских донесениях 1820–1830-х гг. (по материалам 2-го округа Корпуса жандармов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 38–47. doi: 10.17223/19988613/94/5

Original article

Perceptions of the People's Loyalty to the Throne and the Features of Loyalist Rhetoric in Gendarme Reports of the 1820–1830s (Based on the Material of the Gendarmes' 2nd District)

Maria O. Ivanova

National Research University Higher School of Economics University, Moscow, Russian Federation, moivanova@hse.ru

Abstract. This article is devoted to the reconstruction of the gendarme officers' collective perceptions of the Russian Empire's territory on the materials about the 2nd gendarme district. The study examined the records of the high police, which reflected the gendarme officers' ideas about the people's political loyalty and loyalist sentiments. The study is based on archival documents from the funds of the State Archive of the Russian Federation (GA RF), as well as published sources. The author suggests that during this period the gendarmerie officers' collective ideas about the 2nd gendarme district were stable and this territory was perceived as a completely loyal region. An analysis of the gendarmerie reports' rhetoric revealed several stable emotional categories (positive and negative), which were perceived by the 3rd Department as a manifestation of the population's loyalty to the throne. Positive emotions were expressed through the words: joy, delight, jubilation, tenderness, while negative emotions were conveyed by such words as: despondency, grief and sadness. Both emotional categories were also accompanied by tears of joy and grief. In addition, the documents clearly articulate the connection between the manifestation of certain emotions and confirmation of loyalty to the throne. It might be assumed that within the framework of this "emotional regime" there was no room for silence. In other words, events directly connected with the monarch figure invariably required a certain emotional background. The evaluative categories for the emotional narrative used, as well as a certain metaphorical nature of the language are characteristic features of these gendarme reports. They are characterized by an indication of the degree of reliability, as well as generalization and extrapolation of ideas about loyalty to the broad masses of the Russian population.

Keywords: Corps of Gendarmes, collective representations, Central Russia, loyalty, history of emotions

Acknowledgement: The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project No. 23-28-01576 "Representations of gendarmerie officers about Russia in the pre-Reform era", implemented on the basis of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The author expresses his gratitude to G. N. Bibikov for numerous discussions of the project, valuable advice and comments.

For citation: Ivanova, M.O. (2025) Perceptions of the People's Loyalty to the Throne and the Features of Loyalist Rhetoric in Gendarme Reports of the 1820–1830s (Based on the Material of the Gendarmes' 2nd District). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 38–47. doi: 10.17223/19988613/94/5

В современных исследованиях, посвященных истории России имперского периода, особое внимание уделяется понятию лояльности. Принципы функционирования лояльности в российском обществе преимущественно рассматриваются на примере отдельных исторических фигур или через определенные декларативные практики. Так, историк М.Д. Долбилов рассмотрел лояльность как один из организующих принципов имперской политики во второй половине XIX в. и сфокусировался на понятийном поле этого концепта [1–3]. В то же время в рамках данной проблематики до настоящего времени слабо изучена дореформенная эпоха, в особенности период правления Николая I. Между тем именно в царствование этого императора была проведена реорганизация высшей полиции и созданы III Отделение С.Е.И.В. канцелярии и Корпус жандармов как учреждения, призванные в числе прочего осуществлять политический надзор за обществом и администрацией. В рамках деятельности этих ведомств вопросы лояльности подданных и верности престолу были в числе наиболее актуальных [4]. По долгу службы жандармские офицеры призваны были наблюдать за общественными настроениями, реакцией публики на происшествия и политику властей. Различные аспекты деятельности III отделения и Корпуса жандармов имеют длительную историю изучения, существует ряд комплексных исследований о роли и месте жандармского ведомства в системе российского государства [5–8], однако нам мало известно о коллективных представлениях жандармских чиновников (исключением является лишь ряд статей о мировоззрении отдельных офицеров или коллективном восприятии различных аспектов жизни: [9–11]). Основная цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть делопроизводственные документы высшей полиции, отразившие представления жандармских офицеров о политической лояльности населения и верноподданнических настроениях. В центре внимания оказываются, таким образом, субъективные представления жандармских офицеров о политической лояльности подданных и принятые формы ее описания.

Географические и тематические рамки исследования ограничены территорией 2-го округа Корпуса жандармов с управлением в Москве, который включал в свой состав ряд внутренних губерний с преимущественно великорусским населением. В контексте статьи важно рассмотреть специфику восприятия этого пространства офицерами Корпуса жандармов. В последние годы активно развиваются исследования, посвященные представлениям о регионах Российской империи, при этом основной массив литературы относится к истории имперских окраин, которые привлекают исследователей этнокультурной спецификой и особенностями административного устройства. История Центральной России имперского периода в меньшей степени осмысливается через призму новых теоре-

тических и методологических подходов, почти не рассматривается как отдельный макрорегион и остается, как отметила Е. М. Болтунова, «слепой зоной» и «белым пятном» в историографии [12]. Исключением является ряд работ Л.Е. Горизонтова и М.В. Лескинен, которые обратились к постановке проблем на уровне всего региона, а не отдельно взятой губернии [13–15]. Л.Е. Горизонтов в своем исследовании отмечал, что в XIX в. регион «внутренней России» (450 км вокруг Москвы) представлялся многим современникам эталонным в политическом, экономическом и административном отношении [14. Р. 71–72]. Принимая во внимание концепцию «ментальной географии», необходимо подчеркнуть, что представления о регионах всегда наполняются определенным содержанием, смыслом и эмоциональным фоном для людей. Кроме того, именно с 1827 по 1839 г., с одной стороны, происходило становление жандармского надзора, а также выработка определенного языка и стилистики жандармских донесений, которые анализируются здесь; с другой стороны, этот период совпадает с первой половиной правления Николая I, когда складывается новый «сценарий власти», определявший в том числе отношения монарха и подданных империи.

Статья опирается на корпус документов из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также опубликованные материалы. В рамках исследования были привлечены жандармские донесения и отчеты из дел, относящихся к отдельным губерниям 2-го округа, которые направлялись в Петербург на имя шефа жандармов и затем подшивались к делам III отделения. Важным источником выступают материалы о путешествиях по России императора и членов царской семьи, в которых отразилась реакция подданных на прибытие высочайших особ. В историографии уделено значительное внимание к заграничным поездкам императоров, а также, в меньшей степени, к внутригосударственным поездкам как важной форме презентации монархии [16–20]. Как отмечали А. Литвин и М. Сидорова, «поездки по империи могли различаться по характеру и целям, но все они должны были становиться своеобразным инструментом, позволяющим «помазаннику Божьему» получать конкретное представление о подданных и землях, а подданным, в свою очередь, – давать уникальный шанс лицезреть высшую власть в империи» [20. С. 12].

Другим значимым источником являются дела о циркулировавших в губерниях слухах и толках вокруг представителей императорской фамилии. Существенным ограничением при оценке значимости отдельных донесений является скудость сохранившихся ответных сообщений, в некоторых случаях судить об этом позволяют пометки на документах («убрать», «к сведению», «к докладу», «государь изволил читать»). Кроме архивных бумаг исследование опирается на корпус ежегодных всеподданнейших обозрений общественно-

го мнения, которые готовились в III отделении и представляли обобщенную позицию руководства жандармского ведомства¹ [21]. С 1827 по 1839 г. формат и заголовок этого документа периодически менялись, при этом важно отметить, что обозрения готовились в том числе на основе донесений штаб-офицеров и начальников жандармских округов [23].

Принимая во внимание специфику источниковой базы, реконструкция коллективных представлений и анализ риторики жандармских донесений могли быть выполнены при учете различных теоретических подходов. Во-первых, большую роль в жандармских характеристиках играла категория «преданности престолу», поэтому мы обратились к исследованиям М.Д. Долбилова и его пониманию концепта «лояльности». Исследователь, понимая лояльность как особую структуру в пространстве власти, выделил следующие ее элементы: «определенный способ самосознания и самопонимания, связанные с политической субъектностью человека или группы и их подчинением властям», а также «практики проявления и принятия (или оспаривания и отклонения) лояльности, которые возникли в результате столкновения или совпадения ожиданий, исходящих сверху, и тех, которые возникли на низовом уровне» [2. Р. 19]. В России объектом такой лояльности выступали монарх и его семья (иными словами, престол). Во-вторых, мы рассматриваем «лояльность» в качестве совокупности определенных практик, нарративов и действий [3], в этой связи аутентичным термином, отражающим лояльность населения престолу применительно к исследуемому периоду, является «преданность» (а также различные производные лексемы). При этом если М.Д. Долбилов интересуется в первую очередь сами акторы, выражавшие лояльность престолу, то в данной статье рассмотрены *представления* о лояльности в отражении жандармского делопроизводства.

Кроме того, изучение вопроса политической лояльности в рамках самодержавной формы правления подводит к изучению жандармского делопроизводства в рамках истории эмоций. В этой связи релевантным представляется концепт «*эмоционального режима*» В. Редди, который он определил как «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, методов и эмоциональных практик... которые служат их выражению и внушению; как необходимое подкрепление любого устойчивого политического режима» [24. Р. 129; 25]. Вдобавок выявленные сюжеты в источниках и особенности языка подводят к классической концепции «*сценариев власти*» Р. Уортмана [26], которая также позволяет объяснить некоторые нюансы в риторике жандармских донесений.

В 1827 г. по указу императора Николая I был учрежден Корпус жандармов, а Европейская Россия разделена на 5 жандармских округов [27]. В 1832 г. новый жандармский округ был создан в Царстве Польском, в 1833 г. – в Сибири, в 1837 г. – «тифлиский» округ на Кавказе. Изначально во 2-й округ были включены следующие губернии: Московская, Ярославская, Тверская, Владимирская, Костромская, Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская, Воронежская, Тамбовская. Од-

нако в 1833 г. состав округов претерпел изменения, в том числе ко 2-му округу была присоединена Смоленская губерния и отторгнуты Воронежская и Тамбовская губернии. Теперь в состав округа входили следующие губернии: Московская, Ярославская, Тверская, Смоленская, Владимирская, Костромская, Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская [28. Л. 3–4]. В целом 2-й округ был сформирован из ядра великорусских губерний Центральной России. На данный момент не было выявлено свидетельств о причинах изменений состава округа, можно предположить, что это могло быть связано с общей унификацией ведомственных округов империи. Так, жандармские округа по своему территориальному составу стали больше походить на учебные [29]. Вероятно, и до 1827 г. существовало несколько вариантов окружного деления; к примеру, в рапорте И.И. Дибичу от августа 1826 г. Смоленская губерния была включена в состав 2-го округа [30. Л. 1], хотя, как было отмечено, затем она была определена к 1-му округу с центром в Санкт-Петербурге.

Если в первые годы существования Корпуса жандармов одному штаб-офицеру могло быть поручено наблюдение сразу в двух или трех губерниях, то к началу 1830-х гг. во все губернии, входившие в состав 2-го округа, были определены отдельные жандармские чиновники. Авторами рассматриваемых донесений выступали как губернские штаб-офицеры, так и окружные начальники. До конца 1830-х гг. во главе округа находились генералы Александр Александрович Волков [30, 31], Степан Иванович Лесовский, граф Петр Иванович Апраксин [32], Степан Васильевич Перфильев [33]. А.А. Волков ранее служил в Московской губернии полицмейстером [5. С. 199]. П.И. Апраксин был главой Владимирской и Тверской губерний, однако 2-м округом он управлял всего два года, после чего был переведен в 7-й округ. С.В. Перфильев также имел опыт службы в губерниях из состава 2-го округа: с 1827 г. он был штаб-офицером жандармского корпуса в Костромской губернии, а позже назначен гражданским губернатором в Рязань [34. С. 223]. Временно управляющим 2-м округом был также Н.П. Шубинский, который несколько лет «служил штаб-офицером в Ярославской губернии. Затем был переведен в Москву на должность и.о. управляющего делами 2-го жандармского округа, неоднократно замещал своего начальника генерал-лейтенанта А.А. Волкова» [5. С. 224]. Таким образом, все окружные начальники, хотя и состояли в военных чинах, к моменту назначения имели определенный опыт службы по гражданскому ведомству в губерниях из состава 2-го округа. Некоторым исключением можно считать С.И. Лесовского, который с 1827 по 1830 г. состоял в должности курского гражданского губернатора, а в 1832–1834 гг. возглавлял 2-й округ Корпуса жандармов [5. С. 202–206], однако до этого назначения непродолжительное время он исполнял должность начальника 3-го округа, а затем 1-го. Кроме того, все перечисленные офицеры имели боевой опыт, в том числе, полученный во время кампаний 1812–1814 гг.

Отдельного изучения кадрового состава штаб-офицеров 2-го округа в историографии не проводилось

(сведения о жандармских штаб-офицерах по отдельным губерниям см.: [34–36]), что затрудняет составление обобщенного просопографического портрета этой группы. Г.Н. Бибилов отмечает, что в первые годы после учреждения III отделения штаб-офицеры обычно добивались определения на службу в те губернии, где находились их имения, однако с 1831 г. был введен запрет на службу в таких губерниях, что «было вызвано стремлением поставить штаб-офицеров в независимое от губернского общества положение не ангажированных наблюдателей местной жизни» [8. С. 97]. Известно также, что «средний возраст штаб-офицеров в момент поступления в Корпус колебался в пределах 30–45 лет, большинство из них были женаты и владели небольшими имениями. Более 90% штаб-офицеров «первого призыва» имели за плечами опыт исключительно военной службы и, как правило, участвовали в кампаниях против наполеоновской Франции, примерно треть на разных этапах карьеры служили в гвардейских полках» [8. С. 101]. Это позволяет рассматривать офицеров Корпуса жандармов в данный период как единую корпорацию, объединенную не только служебными обязанностями, но и схожим жизненным опытом.

Обратимся к рассмотрению делопроизводственных документов жандармского ведомства, анализу эмоциональных категорий, которыми маркировались действия и настроения населения, а также другим особенностям риторики жандармских донесений. Р. Уортман отмечал, что началу царствования Николая I соответствовал «подъем риторики сентиментальной преданности», основанной на чувствах; это явление было широко распространено «в официальной литературе николаевского царствования». Как полагает историк, «интенсивность чувств подданного монарху выражалась словами *восторг* и *умиление*. Оба эти чувства сопровождалась слезами» [26. С. 376]. Анализ жандармских донесений позволяет во многом подтвердить и частично расширить эти утверждения.

«Эмоциональный» фон весьма характерен для жандармских донесений, посвященных императору и членам царской семьи. Как правило, эмоции были ярко выражены и в зависимости от обстоятельств четко маркированы в качестве положительных или отрицательных. Положительные эмоции характеризовались словами *радость*, *восторг*, *ликование*, *умиление*, регулярно отмечалась такая практика, как *слезы*, часто в описаниях упоминалось, что толпа кричала «*Ура!*» при виде государя или наследника [37. Л. 17 об.; 38. Л. 22 об., 75 об., 94 об., 97]. Эмоции негативного спектра выражались словами *уныние*, *скорбь*, *печаль*, а также *слезами*. Слезы, таким образом, становятся атрибутами двух оппозиций. Р. Уортман считает, что именно во время правления Николая I они «стали обязательными в придворных церемониях – знаком верности и причастности к жизни царя» [21. С. 382]. Однако жандармские донесения повествуют не о придворном церемониале и жизни столичной элиты, а о жителях губернских и уездных городов, в том числе представителях местной администрации.

Положительные эмоции, как правило, представляли в донесениях в контексте контакта императора или

других представителей царствующего дома с населением во время проезда через губернии или посещения отдельных городов. В 1820–1830-х гг. император и члены его семьи не раз бывали в губерниях 2-го округа. В архиве III отделения сохранились дела о таких поездках за 1831–1834, 1837, 1838 гг., что представляет собой достаточно репрезентативную выборку. Как отмечала О.А. Плех, руководство Императорской главной квартирой возлагалось именно на шефа жандармов, а «лица, занимавшие эту должность... контролировали процесс подготовки к выезду из столицы, вступали в переписку с разными ведомствами и учреждениями, в том числе с местными, а кроме того, знакомились с поступающими из провинции жандармскими донесениями» [18. С. 22]. В круг служебных обязанностей штаб-офицеров также входило сопровождение императора или члена его семьи по губернии и необходимость докладывать о реакциях публики.

Многочисленные донесения об ожидании прибытия государя, ходе подготовки городов и дорог к его проезду и разной степени подробности описания того, как прошла встреча императора с публикой, составлялись штаб-офицерами, начальниками округа и направлялись шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. При этом язык описания таких документов весьма схож между собой на протяжении всего рассмотренного периода. Донесения о контактах населения с императором неизменно сопровождалась описаниями восторга и радости от этой встречи, память о которой, по мнению жандармов, люди должны были хранить всю жизнь. Как следует из многочисленных свидетельств жандармских офицеров, Николая I и членов императорской семьи, в частности наследника Александра Николаевича в 1837 г., по приезде в любой город встречали толпы «ликующих» и «восторженных» людей, всех охватывали «чувства радости и верноподданнической преданности к Августейшему Монарху» [39. Л. 14]. На протяжении всего исследуемого периода не было выявлено ни одного негативного инцидента (в данном случае не принимаются во внимание выявленные недостатки в управлении и устройстве города или губернии, так как данные сюжеты прямо не соотносятся с контекстом лояльности) во время посещения городов и губерний 2-го округа, ни одного донесения, которое поставило бы под сомнение лояльность населения этих губерний.

Порой описываемые эмоции публики от встречи с императором или представителем царской фамилии были так велики, что автор донесения признавался, что не находит слов для описания увиденного [21. С. 159; 37. Л. 22 об.; 40. Л. 10–14 об.]. Примечательно донесение полковника Н.Х. Коптева из Воронежа, который, докладывая о посещении императором города в сентябре 1832 г., сообщал, что «надо было видеть, с каким душевным умилением народ взирал на сие Царя своего Благочестивейше святителю Божию поклонение. Тогда многие так сим были тронуты, что от полноты сердечных благоговейных и радостных чувствований прослезались и торжество наше общее уподоблялось торжеству истинно небесному, которое мне ни изъяснить, ни передать другим не в состоянии» [37.

Л. 22 об.]. Позже начальник округа, передавая это донесение из Воронежа, дважды добавил от себя, что «выразить чувствования жителей во все время пребывания здесь Монарха г. Коптев не находит слов, коими бы мог хотя бы слабо изъяснить тот порыв сердечной радости и те восторги, коими преисполнены все чувства их, они неизгладимо запечатлели в глубине сердец своих часы пребывания его величества» [37. Л. 17 об.]. С одной стороны, подобные примеры демонстрируют остро субъективный взгляд рассказчика. С другой – это может свидетельствовать о нормативной практике представления эмоционального нарратива, так как подобные выражения были не единичны в жандармском делопроизводстве и характерны не только для жандармов. Как отмечал Р. Уортман, подобная невозможность описания художником чувств должна была «свидетельствовать об [их] ошеломляющей власти» [26. С. 375].

Не оставалась без внимания жандармов и реакция на одно только ожидание встречи с монархом. Так, в 1832 г. А.А. Волков несколько раз сообщал в Петербург о том, что в Ярославле начали готовиться к прибытию императора даже до официального о том уведомления: «Тамошний губернатор полагает, что в продолжение нынешнего лета государь император изволят осчастливить своим посещением Ярославскую губернию; почему начались уже разные приготовления, и молва о сем сделалась общей во всех сословиях, которые с восторгом ожидают обожаемого Монарха» [37. Л. 3–4, 17 об.; 40. Л. 10]. Сведения о подобных донесениях находили отражение в ежегодных обозрениях III отделения, например за 1832 г.: «Когда в исходе лета пронеслась весть, что Государь изволят предпринять путешествие в некоторые губернии, с каким восхищением повсюду ожидали Его приезда; уже задолго до совершения сего путешествия были отовсюду получаемы сведения о нетерпении видеть Его Величество» [21. С. 88].

Негативные эмоции как проявление лояльности можно связать с контекстом выражения озабоченности в связи с болезнью или смертью императора или члена царской семьи. Так, в ноябре 1829 г. стало известно о болезни императора, по сему случаю в III отделении было заведено специальное дело – «Сведения о влиянии на публику болезни и выздоровления Его императорского величества» [41]. Дело включает ряд донесений штаб-офицеров, которые содержали в себе практически однотипные формулировки, согласно которым все сословия были «с чувствами глубокого участия» обеспокоены здоровьем императора. 14 ноября 1829 г. А.Х. Бенкендорф писал полковнику М.Н. Жемчужникову о том, что известие о болезни императора распространилось по всей стране, хотя, как он отметил, она не была серьезной, «но, изучив известия, преувеличенные опасениями, неразлучными с чувством любви и приверженности верных подданных, причинили общую горесть и сетование», просил принять меры для успокоения публики [41. Л. 4].

19 ноября 1829 г. из Москвы была отправлена записка «О преданности к Государю императору», в которой содержалась информация о беспокойстве подданных за своего монарха. В бумаге был описан случай

с графиней Екатериной Алексеевной Музиной-Пушкиной; перед смертью своей, «когда собрались духовные особы и приготовились напутствовать ее отходным служением, она остановила их священнодействие, и умирающая приказала наперед совершить службу за здоровье государя императора, а потом уже начать и отходную». Автор донесения заключил: «Вот образец чувствований всех тех, которые заботятся о здоровье императора!» [41. Л. 9 об.]. Обобщенные сведения о реакции публики на болезнь императора были включены в ежегодное обозрение III отделения: «Чувства России к Августейшей чете проявились по поводу болезни Государыни, а затем и Государя. <...> Во время болезни Императора не только искренняя преданность его особе, но и политические и частные интересы заставляли взывать к Богу и проливать слезы» [21. С. 47].

В обозрении за 1831 г. в подобных эмоциональных оттенках были описаны и чувства населения в связи с известием о кончине великого князя Константина Павловича, где горевание и печаль о его смерти, а также соболезнования императору связали с «преданностью и любовью народа к своему Государю» [21. С. 81]. Схожие описания можно встретить и в жандармских донесениях 1839 г. о реакции московской публики на болезнь императрицы, когда «носившиеся о нездоровье Государыни Императрицы слухи (без всякого преувеличения должно сказать) [вызвали] несказанную скорбь. <...> Грусть, бывшая от слухов о нездоровье, являет сильный опыт народной приверженности» [42. Л. 52–52 об.]. В нравственно-политическом отчете III отделения за тот же год отмечалось, что «никогда не было результатов, столько удовлетворительных насчет преданности и любви всех сословий к царскому дому, как во время свадьбы Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны и в прошедшую осень, когда разнеслась весть о болезни Государыни. <...> Благоговейно любимая Царица своим недугом наинула на всех без изъятия скорбь невыразимую. Болезнь Государя Наследника и Великой Княжны Ольги Николаевны, а еще более видимая, непрерывная, неутешная грусть Государя сделали самое глубокое впечатление на все сословия. Как здесь, так и во внутренних губерниях явились признаки самой неутешной печали» [21. С. 218]. Помещение этих сведений в ежегодный отчет III отделения указывает на то, что подобные проявления эмоций принимались в качестве важного свидетельства преданности престолу.

Скорбь в публике могла проявляться и по другим поводам. Интересен, хотя и не до конца ясен, возникший после посещения императором Николаем I слух в Москве. 14 октября 1832 г. Н.П. Шубинский докладывал А.Х. Бенкендорфу, что «по отбытии Государя Императора из Москвы здесь пронесся (хотя слабый) но весьма огорчительный слух, будто Его Величество Государь Император не уверен во Всепокорнейшей к Себе преданности и расположении Столицы [Москвы], и будто изволят полагать кроющийся в ней дух безначалия и свободомыслия». Н.П. Шубинский писал, что «многих благомыслящих людей [это] приводит в печаль и прискорбие непритворное» [39. Л. 1].

А.Х. Бенкендорф оставил на полях комментариев, что «это самая наглая ложь», но источник слухов оставался неясен [39. Л. 1].

Постоянными спутниками эмоциональных категорий выступали субъективные характеристики их достоверности и подлинности (или, напротив, фальшивости), выраженные такими словами (и их лексемами и производными), как *истинность, искренность, нелицемерность, непритворство* [21. С. 268; 40. Л. 8 об.; 43. Л. 30; 44. Л. 10]. Так, например, описывалась реакция жителей Ярославля на возможное прибытия императора в 1834 г.: «Искреннее усердие и преданность блистали в полном совершенстве непритворства» [40. Л. 8]. Узнав, однако, что государь отправился вместо Ярославля в Калугу, в следующем донесении полковник П.И. Шварц сообщал, что «на всех [это произвело] истинную скорбь» [40. Л. 10]. В июне 1835 г. Н.П. Шубинский докладывал, что с отъездом монарших особ «Москва будто опустела», а «весь город искренне сожалеет о кратковременности их пребывания в Москве, сопровождаемая пламенными благословлениями» [43. Л. 10]. Подобные эпитеты многократно повторяются в жандармских бумагах; можно предположить, что такими выражениями жандармы старались подкрепить достоверность своих сведений и усилить эффект от описанных эмоциональных реакций. Очевидно, жандармам важно было подчеркнуть, что многократно повторяемые и описываемые в схожих лексических конструкциях сцены встреч монарха не теряют прежней эмоциональной нагрузки, а чувства подданных столь же глубоки и искренни. М.Д. Долбилов считал, что «стремление к «искренности», выражавшееся на протяжении большей части XIX в. в сентименталистской риторике, придавало упрямому автократическому режиму определенную степень легитимности и динамики, в то же время предоставляя пространство для культурных и идеологических манипуляций властью» [2. Р. 42].

В донесениях и отчетах жандармские офицеры регулярно давали оценку представляемой информации, а многие выводы обобщались на большую массу населения. Жандармские штаб-офицеры и окружные начальники регулярно подчеркивали, что описанные чувства преданности всесловны и объединяют всех жителей города, уезда или губернии. Такие экстраполяции образовывали воображаемую неиндивидуализированную народную массу, которую можно было рассматривать как однородный элемент. Подобное обобщение чувств, а также их политизация, было связано с необходимостью «свидетельствовать об ошеломляющей власти этих чувств, которые были неподвластны отдельному человеку» [26. С. 375].

К таким метафоричным обобщениям можно отнести перенос преданности на целый город, в данном случае Москву. В привлеченных документах это единственный город 2-го округа, которому жандармские офицеры давали самостоятельные характеристики; прежде всего, Москва регулярно упоминалась как «столица» [39. Л. 10; 40. Л. 2 об.; 43. Л. 1–3, 4 об.; 45. Л. 34] и периодически как «древняя столица» [40. Л. 2; 44. Л. 7]. О Москве иногда писали как об активном

субъекте восприятия [46], когда по правилам языка необходимо было бы писать о людях / группе людей: «Москва действительно чтит и благоговееет пред своим любимым Государем» [43. Л. 1 об.]; «Царелюбивая Москва» [42. Л. 3 об.]; «Сладостно говорить о благодарных чувствах Москвы к Благодетельному Монарху» [42. Л. 9 об.]. Очевидно, «древняя столица» воспринималась как средоточие верноподданнических настроений.

Важно отметить, что с середины 1830-х гг. в ежегодных обозрениях III отделения закрепляется аксиома о преданности всего русского народа престолу как своего рода его природном свойстве. Подобные сентенции повторялись в схожих формулировках, как, например: «...по врожденному в русских чувству безусловной преданности» [21. С. 142]; «одно из прекраснейших свойств русского народа есть <...> то беспредельное, безусловное чувство преданности...» [21. С. 126], «безусловная любовь и неограниченная преданность к Царю принадлежат <...> к природе русского народа» [21. С. 156]. Оппозиций в данном случае выступали поляки, которым после восстания 1831 г. правительство не доверяло, а изъявлениям верности и предполагаемым «тишине» и «спокойствию» в Царстве Польском не верило [21. С. 129; 47. Л. 11 об.–12, 68 об.–69 об., 71, 72 об., 80, 84;]. Примечательно донесение С.И. Лесовского о московских толках сентября 1833 г. вокруг предполагаемой поездки Николая I в Польшу. По словам жандармского генерала, эта новость привела к тому, что «между всеми сословиями жителей здешней Столицы заметны были род зависти к такому счастью поляков и какое-то сожаление, что Государь Император удостоивает своим Высочайшим посещением народ, весьма дурно заплативший за все милосердие Его. <...> Но сколь велико было по сим сведениям негодование здешних жителей к Полякам, столько же, напротив, принесло им радости официальное известие, что Его Величество не соизволил принять депутацию, не удостоил посетить Варшаву и тем унизил пред лицом всех Русских кичливость поляков, возмечтавших, будто бы Государь Император для того нарочито приехал в Польшу, дабы видеть их» [39. Л. 10–10об.]. Подобную реакцию в Главном управлении также расценили как проявление любви и преданности к императору, о чем также сообщили в своем ежегодном обозрении [21. С. 98].

Характерно, что в случае негативных откликов и «ропота» публики в связи с мероприятиями правительства жандармы стремились подчеркнуть, что недовольство вызывали отдельные сановники, но не фигура монарха, которая метафорически отделялась от бюрократии. Например, повышение лажа² [48] министром финансов Е.Ф. Канкриным во время финансовой реформы вызвало недовольство купцов и дворян в Москве [42. Л. 15–18 об.]. Но в жандармском донесении было указано, что «тут же [в Москве] с восторгом говорят, что Батюшка Царь не задерживает у себя дела, ибо любит народ, как детей своих» [42. Л. 15 об.], подчеркивая, что возмущение жителей не обращено к императору. Слухи с недостоверной информацией, будь то молва о вольности среди крестьян или толки

о том, что великий князь Константин Павлович жив и приведет войско, обычно обозначались жандармами как «нелепые» или следствие «невежества» [43. Л. 2 об.; 45. Л. 58; 47. Л. 16, 24 об., 25; 49. Л. 2; 50. Л. 3, 5]. Безусловно, подобные характеристики давались только в случаях, когда дела действительно не представляли опасности для государства. Можно предположить, что необходимость подобного смягчения информации, а также указания на отсутствие злонамеренности по отношению к фигуре императора связаны с тем, что в противном случае такие дела могли попасть под категорию «государственных преступлений» [51].

Проведенный анализ донесений жандармских офицеров, служивших во 2-м округе Корпуса жандармов, дает возможность сделать ряд выводов. Корпус жандармов представлял собой в первую очередь политическую (наблюдательную) полицию, в рамках деятельности которой важным критерием для оценки общественных настроений выступала лояльность поданных. При этом вопросы о территориальности оказывались неизменно связаны с концепцией преданности населения престолу. Губернии округа, представляя из себя значительную часть внутренних губерний, были населены преимущественно русскими. Рассмотренные источники показывают, что на протяжении исследуемого периода коллективные представления офицеров Корпуса жандармов о выбранном регионе были стабильными и не претерпели изменений, территория 2-го округа воспринималась как абсолютно лояльный и преданный престолу регион. Постоянные донесения штаб-офицеров и начальников округа о преданности населения влияли на закрепление аксиоматичного убеждения о лояльности внутренних губерний, что, очевидно, отражалось на различных аспектах управления этим регионом.

Анализ документального материала позволил выявить ряд типичных словесных конструкций, использовавшихся для описания выражений и проявлений лояльности. О том, насколько достоверно жандармские офицеры воспринимали реальные настроения обще-

ства и представляли информацию в своих отчетах, говорить сложно, так как подобные донесения следует расценивать как достаточно субъективный источник информации. Однако в рамках данного исследования важно отметить, что эти описания отразили ряд нормативных культурных практик, прежде всего эмоциональных. Преданность населения понималась в контексте определенного «эмоционального режима». Лояльность маркировалась эмоциями как положительно-го спектра (радость, восторг, ликование, умиление), так и отрицательного (уныние, скорбь, печаль), а также через слезы (радости и горя). Эмоциональный нарратив и образность в словесных выражениях были свойственны только для донесений, касавшихся императора и верности престолу, что проявлялось в контексте встреч императора и других представителей царской семьи с населением, а также в сообщениях о слухах и толках в народе, касавшихся императора и его семьи. Кроме того, в документах достаточно внятно артикулируется связь между проявлением определенных эмоций с подтверждением лояльности престолу. Можно предположить, что в рамках подобного «эмоционального режима» не оставалось места для молчания; иными словами, события, непосредственно связанные с фигурой монарха, неизменно требовали определенного эмоционального фона. В то же время не было выявлено описаний, которые можно связать с эмоциями гнева.

Характерной чертой жандармских донесений являются оценочные категории для используемого эмоционального нарратива, а также определенная метафоричность языка. Информация в донесениях содержала дополнительные субъективные характеристики, относящиеся к уровню достоверности приводимых жандармскими офицерами сведений, а также к степени вовлеченности населения в описываемые эмоциональные практики. Для этих сообщений было характерно указание степени истинности, а также обобщение и экстраполизирование представлений о верности на широкие массы населения.

Примечания

¹ В 1820–1830-х гг. название этого документа неоднократно менялось («Картина общественного мнения», «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления», с 1839 г. – «Нравственно-политический отчет»). Подробнее о различных видах годовой отчетности III отделения см.: [22].

² Лаж – вексельный курс. Как писал М.М. Сперанский, «в общем виде простонародный лаж есть не что иное, как особенного рода счет биржевого курса, изобретенный сперва мелкими торговцами, потом принятый и в торговле оптовой» [48. С. 23].

Список источников

1. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
2. Dolbilov M. Loyalty and Emotion in Nineteenth-Century Russian Imperial Politics // Exploring Loyalty / eds. by J. Osterkamp, M.S. Wessel. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. P. 17–43.
3. Долбилов М. Аттестация «верноподданических чувств»: Министерство императорского двора и народные панегирики дому Романовых в 1860–1880-х годах // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 22–37.
4. Соловьев Д.В. Формирование политической лояльности в России в 1825–1856 гг.: «виды правительства», печать и общественное мнение : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 201 с.
5. Чукарев А.Г. Тайная полиция России, 1825–1855 гг. М. : Кучково поле, 2005. 701 с.
6. Романов В.В. Трансформация органов политической полиции российской империи в 1826–1860 гг. : историко-правовой анализ. Ульяновск : УлГУ, 2013. 452 с.
7. Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М. : Центрполиграф, 2017. 317 с.
8. Бибилов Г.Н. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М. : Квадрига, 2023. 354 с.

9. Матвеев Г.Ф. Жандарм в провинциальном русском обществе 1830-х годов // Величие и язвы Российской империи : междунар. науч. сб. в честь 50-летия О. Р. Айрапетова М. : Регнум, 2012. С. 100–110.
10. Лаврѣнова А.М. Синий мундир в зеркале Венеры: взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2. С. 31–53.
11. Перегудов А.В. Эволюция представлений о мундире среди чинов Отдельного корпуса жандармов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 177–188.
12. Болтунова Е.М. Региональная история России: исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х годов) // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 235–250.
13. Gorizontov L. The “Great Circle” of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / eds. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Indiana University Press, 2007. P. 67–93.
14. Горизонтов Л.Е. Образы Центрального региона Российской империи как отражение вызовов второй половины XIX – начала XX столетия // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. : материалы междунар. конф. / под ред. А.Б. Безбородова и др. М. : РГГУ, 2009. С. 83–91.
15. Лескинен М.В. Великоросс / великорус: из истории конструирования этничности. Век XIX. М. : Индрик, 2016. 680 с.
16. Романовы в дороге : путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 320 с.
17. Мелентьев Ф.И. «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма»: краткая характеристика источника и обзор современных переизданий // Историческая экспертиза. 2017. № 1. С. 215–230.
18. Плех О.А. «В приятнейшей надежде иметь счастье встретить обожаемого всеми монарха», или о том, как в провинции готовились к приезду Николая I // Россия XXI. 2020. № 3. С. 20–49.
19. Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830–1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 26–36.
20. Литвин А., Сидорова М. Журнал высочайшего путешествия: описание поездки Павла I из Петербурга в Казань // Родина. 2011. № 7. С. 11–14.
21. «Россия под надзором» : отчеты III отделения 1827–1869 : сб. документов. М. : Рос. фонд культуры : Рос. архив, 2006. 703 с.
22. Леонтьев А.А. Отчетная документация Корпуса жандармов и устройство высшей полиции в 1820–1830-е гг. // Российская история. 2021. № 2. С. 105–111.
23. Бибилов Г.Н. Подуговые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
24. Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 380 p.
25. Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.
26. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 605 с.
27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Второе. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. 2. № 1062. С. 396–397.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 398.
29. ПСЗРИ. Собрание Первое. СПб. : в Тип. 2-го Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1830. Т. 27. № 20598. С. 442.
30. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5.
31. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 162.
32. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 243.
33. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 569.
34. Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Политическая полиция в Костромской губернии и ее кадровый состав в 1826–1867 годы // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 221–227.
35. Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 141–149.
36. Румянцев П.П. Кадровая политика жандармского ведомства комплектования руководства управлений Сибирского жандармского округа // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 78–89.
37. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 155.
38. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 82.
39. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 16. Д. 116.
40. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 174.
41. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 403.
42. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1198.
43. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1197.
44. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 50.
45. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 10. Д. 295А.
46. Twardzisz P. The Language of Interstate Relations. Palgrave Macmillan, 2013. 242 p.
47. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 1л. Г.
48. Сперанский М.М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб. : тип. В. Киришбаума, 1895. 57 с.
49. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1331.
50. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 48.
51. Анисимов Е.В. Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 424 с.

References

1. Dolbilov, M.D. (2010) *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessionalnaya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Region, Foreign Faith: Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Dolbilov, M. (2017) Loyalty and emotion in nineteenth-century Russian imperial politics. In: Osterkamp, J. & Wessel, M.S. (eds) *Exploring Loyalty*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. pp. 17–43.
3. Dolbilov, M. (2021) Attestatsiya “vernopoddannicheskikh chuvstv”: Ministerstvo imperatorskogo dvora i narodnye panegiriki domu Romanovykh v 1860–1880-kh godakh [Certification of “loyalist feelings”: The Ministry of the Imperial Court and popular panegyrics to the Romanovs in the 1860s–1880s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 22–37.
4. Solovyev, D.V. (2008) *Formirovanie politicheskoy loyali'nosti v Rossii v 1825–1856 gg.: “vidy pravitel'stva”, pechat' i obshchestvennoe mnenie* [The formation of political loyalty in Russia in 1825–1856: “government types”, press, and public opinion]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Chukarev, A.G. (2005) *Taynaya politiya Rossii, 1825–1855 gg.* [The Secret Police of Russia, 1825–1855]. Moscow: Kuchkovo pole.

6. Romanov, V. V. (2013) *Transformatsiya organov politicheskoy polititsii Rossiyskoy imperii v 1826–1860 gg.: Istoriko-pravovoy analiz* [The transformation of the political police in the Russian Empire, 1826–1860: A historical and legal analysis]. Ulyanovsk: ULISU.
7. Abakumov, O.Yu. (2017) *Tret'e otделение na strazhe npravstvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom. 1826–1866 gg.* [The Third Department guarding morality and order: Gendarmes in the fight against bribery and vice, 1826–1866]. Moscow: Tsentrpoligraf.
8. Bibikov, G.N. (2023) *Zhandarm'skiy nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy imperii (1826–1856 gg.)* [Gendarmerie oversight in the system of state administration of the Russian Empire (1826–1856)]. Moscow: Kvadriga.
9. Matveev, G.F. (2012) Zhandarm v provintsialnom russkom obshchestve 1830-kh godov [A gendarme in provincial Russian society of the 1830s]. In: Kashirin, V.B. (ed.) *Velichie i yazvy Rossiyskoy imperii* [The Greatness and Ulcers of the Russian Empire]. Moscow: Regnum. pp. 100–110.
10. Lavrenova, A.M. (2015) Siniy mundir v zerkale Venery: Vzaimovliyaniye lichnoy zhizni i sluzhebnoy karery chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov [The blue uniform in the mirror of Venus: The interaction of personal life and service career of gendarme officers]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2. pp. 31–53.
11. Peregudov, A.V. (2017) Evolyutsiya predstavleniy o mundire sredi chinov Otdelnogo korpusa zhandarmov [Evolution of ideas about the uniform among the ranks of the Separate Corps of Gendarmes]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3. pp. 177–188.
12. Boltunova, E.M. (2022) Regionalnaya istoriya Rossii: Issledovatel'skoe pole i arkhivnaya praktika (1990-e – nachalo 2020-kh godov) [Regional history of Russia: Research field and archival practice (1990s–early 2020s)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(178). pp. 235–250.
13. Gorizontov, L. (2007) The “Great Circle” of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. In: Burbank, J., Hagen, M. von & Remnev, A. (eds) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*. Indiana University Press. pp. 67–93.
14. Gorizontov, L.E. (2009) Obrazy Tsentralnogo regiona Rossiyskoy imperii kak otrazhenie vyzov vtoroy poloviny XIX – nachala XX stoletiya [Images of the Central Region of the Russian Empire as a reflection of the challenges of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Bezborodov, A.B. et al. (eds) *Mekhanizmy vlasti. Transformatsii politicheskoy kultury v Rossii i Avstro-Vengrii na rubezhe XIX–XX vv.* [Mechanisms of Power. Transformations of Political Culture in Russia and Austria-Hungary at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow: RSUH. pp. 83–91.
15. Leskinen, M.V. (2016) *Velikoross / velikorus: Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Great Russian / Great Rus: From the history of ethnicity construction. The 19th century]. Moscow: Indrik.
16. Leskinen, M.V. & Khavanova, O.V. (eds) (2016) *Romanovy v doroge: Puteshestviya i poezdki chlenov tsarskoy semyi po Rossii i za granitsu* [The Romanovs on the road: Travels and trips of members of the royal family in Russia and abroad]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
17. Melentiev, F.I. (2017) “Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma”: Kratkaya kharakteristika istochnika i obzor sovremennykh pereizdaniy [“Letters about the journey of the heir to the throne through Russia from St. Petersburg to the Crimea”: A brief description of the source and a review of modern reprints]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 215–230.
18. Plekh, O.A. (2020) “V priyatneyshy nadezhde imet' schast'e vstreit' obozhaemogo vsemi monarkha”, ili o tom, kak v provintsii gotovilis' k priezdu Nikolaya I [“In the pleasant hope of having the good fortune to meet the monarch adored by all”, or how the provinces prepared for the arrival of Nicholas I]. *Rossiya XXI*. 3. pp. 20–49.
19. Gorskaya, N.I. (2020) Mestnaya administratsiya i “vysochayshie puteshestviya” 1830–1850-kh gg. v Smolenskoj gubernii [Local administration and “imperial journeys” of the 1830s–1850s in Smolensk province]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 26–36.
20. Litvin, A. & Sidorova, M. (2011) Zhurnal vysochayshego puteshestviya: Opisanie poezdki Pavla I iz Peterburga v Kazan [Journal of the Imperial Journey: Description of Paul I's Trip from St. Petersburg to Kazan]. *Rodina*. 7. pp. 11–14.
21. Sidorova, M. & Shcherbakova, E. (eds) (2006) “Rossiya pod nadzorom”: *Otchety III otdeleniya 1827–1869* [“Russia under surveillance”: Reports of the Third Department, 1827–1869]. Moscow: Russian Cultural Foundation; Russian Archives.
22. Leontiev, A.A. (2021) Otchetnaya dokumentatsiya Korpusa zhandarmov i ustroystvo vysshey polititsii v 1820–1830-e gg. [Reporting documentation of the Gendarmerie Corps and the structure of the higher police in the 1820s–1830s]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 105–111.
23. Bibikov, G.N. (2021) Polugodovye doneseniya gubern'skikh zhandarm'skikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravleniya Rossiyskoy imperii 1830-kh gg. [Semi-annual reports of provincial gendarme staff officers as a source on the history of local administration in the Russian Empire of the 1830s]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 34–57.
24. Reddy, W.M. (2001) *The navigation of feeling: A framework for the history of emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
25. Plamper, Ya., Shakhmat, Sh. & Eli, M. (eds) (2010) *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kulturnoy istorii emotsiy* [The Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
26. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti. Mify i tsemonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of Russian Monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.
27. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 2nd ed. Vol. 2. No. 1062. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery. pp. 396–397.
28. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 398.
29. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. 1st ed. Vol. 27. No. 20598. St. Petersburg: Second Section of His imperial Majesty's Own Chancery. p. 442.
30. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 5.
31. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 162.
32. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 243.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.). Fund 110. List 2. File 569.
34. Bril, G.G. & Zaytsev, L.N. (2020) Politicheskaya polititsiya v Kostromskoy gubernii i ee kadrovyy sostav v 1826–1867 gody [Political police in Kostroma province and its personnel in 1826–1867]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 26(1). pp. 221–227.
35. Rumyantsev, P.P. (2020) Gendarme staff officers and heads of provincial gendarme departments in Tomsk province: Appointment practices and social portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 141–149. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/457/17
36. Rumyantsev, P.P. (2022) Personnel policy of the gendarmerie department in staffing the leadership of the Siberian Gendarmerie District. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 78–89. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/80/8
37. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 7. File 155.
38. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 12. File 82.
39. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 16. File 116.
40. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 9. File 174.
41. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 4. File 403.
42. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 3a. File 1198.
43. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 3a. File 1197.
44. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 10. File 50.
45. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 10. File 295A.
46. Twardzisz, P. (2013) *The Language of Interstate Relations*. Palgrave Macmillan.
47. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 7. File 11.

48. Speranskiy, M.M. (1895) *Zapiska o monetnom obrashchenii grafa Speranskogo s zamechaniyami grafa Kankrina* [Note on coin circulation by Count Speransky with remarks by Count Kankrin]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.
49. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 3a. File 1331.
50. The State Archives of the Russian Federation (GARF). (n.d.) Fund 109. List 11. File 48.
51. Anisimov, E.V. (2019) *Derzhava i topor. Tsarskaya vlast, politicheskiy sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The state and the axe: Tsarist power, political investigation, and Russian society in the 18th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Сведения об авторе:

Иванова Мария Олеговна – младший научный сотрудник Института региональных исторических исследований НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: moivanova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ivanova Maria O. – Junior Research Fellow at the Institute of Russia's Regional History of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: moivanova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 25.09.2024; accepted for publication 01.04.2025